

Часть третья

НА ДРУГОЙ ПЛАНЕТЕ

Глава 15

Перелет

В конце октября 72-го года, перед президентскими выборами в США, в ОВИР неожиданно стали вызывать «отказников» и давать разрешения на эмиграцию, да еще и освобождать от налога за образование. Началась так называемая «никсоновская волна».

Еврейские организации в США все-таки, видимо, додали Никсона, и он тихонько попросил Брежнева помочь ему: выпустить сотню семей «отказников». И коммунист Брежнев решил помочь антикоммунисту Никсону остаться на второй срок.

Люди, получившие разрешение, ходили пьяными от счастья. ОВИР гудел. Со мной получилась совершенно кафкианская история. Я пришел в ОВИР с одним из моих друзей, которого вызвали туда для получения разрешения. Мы с ним ждали, когда его вызовут наверх, на второй этаж, где заседала комиссия во главе с каким-то генералом, выдававшая разрешения. Как вдруг посетители, стоявшие на лестничной площадке второго этажа, стали кричать сверху, что вызывают меня!

Как все это произошло, откуда они знали, что я пришел в ОВИР, я до сих пор не понимаю! Следили, что ли, за мной все время?

Я получил неделю на сборы. Обычно давали месяц. Но из США и из Израиля мне звонили активисты организаций, помогавших советским евреям, и советовали не добиваться продления срока выездной визы, все бросать и немедленно выезжать — до 4 ноября, до президентских выборов в США!

И действительно, после выборов разрешения «отказникам» вновь перестали давать и восстановили выплату налога за высшее образование.

Лететь мы должны были в Вену, а оттуда — в Рим, и уже там хлопотать о визе в Англию. Рим был перевалочным пунктом для эмигрантов из СССР, не желавших ехать в Израиль. В Риме обосновалась американская еврейская организация помощи эмигрантам из СССР, не едущим в Израиль, — «Хаяс».

За неделю надо было повернуть множество дел, обегать пол-Москвы, купить авиабилеты до Вены, сдать квартиру, сдать багаж, организовать проводы для друзей-соратников, ну и главное — получить визы.

Между прочим, за визу (на одного человека) надо было платить 600 рублей, плюс 500 рублей за отказ от советского гражданства. Точнее, за отъем, ибо гражданство отнималось принудительно. Не откажешься от гражданства — не получишь визу. Есенин-Вольпин, отличавшийся особым, математическим юмором, пустил шутку, что взимание пятисот рублей за отказ от советского гражданства — это прорыв к рыночным отношениям, при которых цена определяется спросом. За приобретение гражданства СССР тогда надо было платить всего лишь 50 рублей!

У меня денег для оплаты виз и отказа от гражданства (1100 рублей в сумме на одного человека, а нас было трое!), разумеется, не было. По тем временам это были большие деньги. Ра-

ботая, к примеру, в «Литгазете», я зарабатывал 110 рублей в месяц. А еще надо было оплатить авиабилеты и выкупить 200 долларов, полагавшихся на семью. Деньги, увы, пришлось опять брать у мамы.

Неделя сборов превратилась в сумасшедший дом. Последние двое суток мы провели в квартире мамы, чтобы побольше побыть с ней перед разлукой. И все это время я помнил о висевшем надо мною Карпове, ждал встречи с ним. С предельной осторожностью я передал одному из самых близких мне «корров», Крису Кетлину, фотопленку моей рукописи «О самом главном».

Самолет наш, австрийской авиакомпании, улетал утром 1 ноября — в последний день действия наших виз. В аэропорт мы приехали одними из первых, задолго до отлета. Однако служащие все время отстраняли нас от входа, пропуская других пассажиров. Мы терпеливо стояли у дверей. И вдруг нам объявили, что посадка закончена: самолет перегружен!

Многих друзей мы провожали, и всякое бывало, но такого оборота еще не было. «Карпов!» — вспыхивает у меня в голове. А ведь завтра кончаются наши визы. Мы заявляем, что готовы лететь безо всяких вещей — не помогает! Мы уговариваем, требуем, возмущаемся — стена! «Самолет перегружен! Вам русским языком говорят!»

Провожавшая толпа боевых друзей, недолго думая, выстраивается сзади нас клином и — три-четыре! — тараном пробивает нас через первый кордон контролеров — во внутренний зал. Но там новый кордон — уже из пограничников и штатских лиц, из тех, что на одно лицо, нам уже хорошо знакомое. Кто-то из провожающих показывает нам на представителя австрийской авиакомпании. Пока смятые контролеры и милиционеры расталкивали моих друзей, чтобы добраться до нас, мы уже около австрийца, и жена по-английски объясняет ему наше положение. Но он в смущении разводит руками. Тогда она просит его взять только меня одного, объясняя, что может случиться со мною... Австриец тяжело вздыхает. Я понимаю, что ему не хочется конфликтовать с советскими властями. Рядом с ним стоит австрийский авиатехник в белом комбинизоне, простой, молодой, круглолицый парень. Он явно горячо болеет за нас, что-то по-немецки говорит представителю. И тот не выдерживает. Решительно идет к советскому начальству. Там разгорается спор. И вдруг австриец почти бежит ко мне, хватая меня за руку и тянет за собой. Друзья толкают меня в спину: «Иди! Не смей оставаться! Жену с сыном выпустят, они прилетят потом...»

И вот я уже за вторым кордоном. Смотрю оттуда на сына и жену, оставшихся на «той стороне». Мелькает мысль, что я вижу их в последний раз. Зреет желание броситься обратно. Кидаю отчаянный взгляд на австрийского представителя. И вдруг он снова врзается в гущу советского начальства. Тянутся бесконечные мгновения. И я вижу, что он тащит за руки через толпу военных и штатских жену и сына!

Лихорадочный, короткий обыск: вещей ведь у нас нет. Только пара ручных сумок. Мстя, видимо, за наш прорыв, у меня забирают телефонную книжку и старинные отцовские золотые часы. Но кто-то уже из советских низших служащих сочувственно шепчет: «Бегите! Скорее!». И мы, помахав матери и друзьям, схватив сына за руки, бежим вслед за австрийским техником. Выбегаем из помещения, бежим по асфальту летного поля. Никогда не забыть мне этого последнего бега по родной земле!

Пассажирский трап уже отдан, и мы поднимаемся в самолет по трапу, ведущему в кабину летчиков.

И вот мы в самолете — сразу же за нами задраивают дверь — в другом мире: светлом, теплом, спокойном. Жена падает в кресло, и нервы у нее не выдерживают — слезы катятся по лицу. А кругом не по-нашему одетые люди, с не по-нашему мирными лицами, мягко, добро, но ненавязчиво улыбаются нам. По внутреннему радио объявляют по-немецки и по-английски: «Мы просим извинения за непредвиденную задержку самолета. Мы надеемся на ваше понимание особого обстоятельства, приведшего к задержке». Потом мы узнали, что ранее пассажирам объявляли об этом «особом обстоятельстве» — это были мы! Австрий-

ский представитель ради нас задерживал вылет самолета! Так мы первый раз познакомились с западными людьми и с Западом еще на советской земле.

— Это был Карпов? — спросила жена, когда пришла немного в себя.

— Нет, — ответил я. — Если бы это был Карпов, то меня, по крайней мере, не было бы сейчас здесь! Это был Павел Порфирьевич! Через своих «старых друзей», он, по всей видимости, хотел отрезать тебя, оставить в Москве.

Впоследствии мое предположение подтвердилось. Когда уже из Рима жена по телефону связалась со своей матерью, та стала неистово выпрашивать ее, как нам удалось улететь? И у нее даже вырвалось: «улететь всем вместе»! Ерофеев хотел, видимо, оставить дочь с внуком в Союзе, а потом попытаться уломать ее отказаться от эмиграции и от меня. Подобный прецедент уже был: какой-то генерал КГБ или МВД сумел задержать дочь, отсечь от мужа в аэропорту, а потом ее начали уговаривать развестись с мужем, подбросили даже фотографии мужа с любовницей. Не помню, чем это кончилось.

Где-то в середине полета, когда мы, видимо, пролетали над границей, какая-то рука, отодвинув все в сторону, сжала сердце тоской. Предчувствием одиночества, чужбины, безвозвратности — и ощущением, что я больше никогда не увижу мать.